

Кристина Борис Роковой Мор

Кристина Борис Роковой мор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70315867

SelfPub; 2024

Аннотация

Город охватила неизвестная хворь. Подверженные страху люди, верят "пророкам", которые выуживают из них деньги. Юноша, не выдержав подобного унижения от обмана, вызывает главного "пророка" на честный бой.

Кристина Борис Роковой мор

Город охватила неизвестная до нынешнего времени эпидемия. Народ, ещё вчера пребывающий в здравии, чах и редел. Поначалу болезнь была похожа на обычную простуду, однако, как показывало время, хворь не спешила отступать и высасывала все жизненные соки с несчастных больных.

Местные лекари пытались найти способ вылечить жителей от этой коварной напасти, однако, позже, сами становились жертвами и, наравне с теми, кого они пытались вылечить, лежали и теряли свои силы.

“Лишь бы ворота не закрыли, иначе нам придёт конец...” – в страхе шептались между собой жители, однако никто не давал подобного приказа. Люди, имевшие власть в этом городе, сбежали при первых смертях, потому жители были предоставлены сами себе.

Горожане не смели покидать город, поскольку боялись, что коварная хворь может унести жизнь человека за пределами города, и его близкие так и не успеют с ним попрощаться. Болезнь была опасна тем, что человек, утром ещё пребывавший в здравии, мог к полудню чувствовать лёгкое недомогание, а к вечеру страдать от судорожного жара.

Пределы города были полны ям, в которых копились тела умерших несчастных. Улицы опустели, а окна были тщатель-

но закрыты. Лишь только ночью на улицах, словно по артериям, прохаживались люди и занимались делами: хоронили умерших, торговали, проветривали и окуривали комнаты.

Всё это происходило ночью, потому что люди были уверены, что хворь в темноте слаба. К тому же было понятно, кого днём болезнь не затронула.

Приезжих уже не было – весть о хвори, охватившей город, распространилась далеко за пределами стен. Город навещали лишь бесстрашные “пророки”.

Это были люди, в которых война, голод и мор были источниками наживы. Отъявленные негодяи зарабатывали на страхах и, если его было недостаточно, искусственно наводили, чтобы получить свою выгоду. Это были кочевники и питались они исключительно несчастьем. Если город процветал, то такие люди точно не переступали главных ворот.

Воспользовавшись беспорядком и почти полным отсутствием врачей, негодяи стали называть себя “пророками”, пришедшие с особой миссией. Самозванцы, исследовавшие ситуацию в городе, собирались по ночам и вещали о том, что город наказан богом за грехи, но только слово посланников бога сможет направить их на верный путь.

“Если же хворь окончательно вас поглотила, значит Господь решил, что ваше время на земле закончилось, и ему лучше увидеться с вами лично. Значит ваш грех слишком силен, и только личная встреча сможет её искупить. Возможно, вы слишком много предавались гневу или зависти.”

Окутанный невежеством и страхом, народ внимал словам пророков и стекался по ночам на главную площадь, чтобы послушать наставления от так называемых “посланников Господа”.

Оставшиеся в живых священники твердили, что эти странные люди увлекают в свою секту, однако, к несчастью, служители церкви стали следующими жертвами хвори, поскольку они постоянно общались с больными, ухаживая за ними.

“Вот видите. Священники подверглись хвори, поскольку имели за собой грехи, скрываясь под саном. А это ещё больший грех. Лицемерие!” – вторили пророки на скорбь народа.

Вскоре то, чего добивались самозванцы, стало приносить свою прибыль. Оставшиеся в живых люди, обезумевшие от горя, верили всему, что говорили им лжецы.

“Смерть – искупление за ваши грехи. Приносите всё имущество на площадь. Избавляйтесь от него. Золото – источник греха и хвори! Ваше тело, сосуд божий, превратится в прах, а золото, поддерживаемое грехом, не испариться. Вот вам доказательство!”

Была проведена сцена с выздоровлением легко внушаемой престарелой женщиной, чтобы укрепить сказанное. Когда она умерла через несколько дней, пророки сослались на естественную старость:

“Видите, она избавилась от золота и победила хворь, позволил Господу забрать её к себе от естественной смерти. Она

не мучилась от жара и судорог. На её лице застыла блаженная улыбка. Вот вам доказательство!”

Народ внимал всему и покорно избавлялся от имущества. Естественно золото забирали самозванцы и, собрав достаточно, чтобы унести с собой, не успев заразиться, исчезали, ссылаясь на то, что бог отправил их на помощь в другой город. На их место иногда приходили другие любители наживы.

Оставался неизменным лишь один самозванец-лидер, среди отъявленных мерзавцев по имени Августин. Именно он, старец с добрым, даже слащавым лицом, наблюдал, кто приходил и уходил из города, чтобы не подпустить чужих негодяев, желавших попытать удачу в добыче денег.

Однако не только лицемеры должны были получить позволение уйти или выйти из города – теперь и простое население с большим трудом могло покинуть город, чтобы не получать возможности узнать какие-либо вести или добыть лекарство.

Народ чах и уменьшался с каждым днём. Однажды, сообразительный юноша, только-только переступивший черту детства, в пылу расpiraемого чувства несправедливости, назвал Августина обманщиком.

“Мы умираем с каждым днём всё больше и больше! Вчера не стало моей сестры. Она была младенцем. Чем она прогневила бога? За что он её забрал? Если вы умеете лечить, то почему этого не делаете? У вас на всё есть отговорка!

Вы воруете наши деньги! Вы ждёте нашей смерти до последнего вздоха, чтобы обчистить всё! Уходят одни с награбленным и приходят другие! А ничего не меняется! Вы специально нас закрыли, чтобы погубить!

Если в этом мире есть справедливость, то завтра правда восторжествует! Я вызываю вас, Августин на честный бой! Я готов биться за правду. Я буду биться за правое дело на рассвете до смерти кого-то из нас!

Если погибну я, значит правда на вашей стороне. Значит я трусил и решил умереть от меча, чем в ожидании своей кончины от мучительной болезни.

Если же вы, Августин, значит вы лжёте. Ворота откроются, а ваши прихвостни покинут город, захватив с собой лишь ваш труп.”

Народ всполошился от такой дерзости. Среди некоторых людей закрадывались сомнения, поскольку время имеет свойство вразумлять даже самых неразумных. Однако некоторые люди до сих пор слепо верили старцу и не видели очевидного. Мнения разделились.

Старец замешкался и, подавив эмоции, спокойно начал свою монотонную речь:

– Неслыханная дерзость. К сожалению, я это знал – мне говорил об этом наш Господь. Потому вынужден был оставаться в этом городе до тех пор, пока данное пророчество не обретёт сущность. И этот момент наступил.

Что ж, мне горестно, что такой тяжкий грех сомнения во-

влёк на себя этот едва окрепший юноша, который мог бы прожить весьма долгую жизнь...

– Так сдержите своё слово – выйдете со мной на бой. Докажите всем, что ваше учение правдиво. Довольно пустых речей! – с жаром перебил юноша. По толпе прошёлся гул. Августин, понимая, что народ начинает сомневаться, поскольку слов уже недостаточно.

– Что ж, данная смута имеет за собой тяжкое последствие – если битва случится, народ погибнет окончательно в этот же день. Вы потеряете всё доверие бога – так гласило пророчество. Но, я вижу, что дьявольская лукавая смута слишком поглотила умы некоторых людей, потому вынужден согласиться.

На бой с юношей должен выйти доброволец. А я буду отчаянно молить бога о прощении народа, чтобы после смерти юноши не навлечь гнев на остальных. Никто не должен страдать из-за этого. Я буду стараться спасти как можно больше людей.

– Августин, позвольте мне выйти добровольцем. Я накажу этого мальчишку и не допущу, чтобы слово Господа прекратило существование! – вызвался один из монахов. Старец сделал вид, что принимает данное решение с тяжёлым сердцем, вздохнул и дал разрешение.

Всю оставшуюся ночь мальчик чистил латы и меч, слушая слова поддержки с одной стороны и слова упрёков с другой.

Народ пребывал в сомнении, не зная, что делать дальше, однако одно он точно знал наверняка – так дальше продолжаться не может.

Никто в эту ночь не спал: кто-то занимал заранее удобное место на площади, кто-то хоронил последних умерших, кто-то заранее оплакивал судьбу мальчика и народа, веря в неизбежный конец, кто-то гневался и пытался сбежать, однако получал отпор от служащих Августина.

Больше всего страдал в эту ночь юноша. В это время он подвергнулся гневу от народа, который был подвержен страху. К сожалению, таких людей оставалось пока что большинство. Он слышал о том, что никто не просил его об этой услуге, что он навлекает беду, что лучше бы он умер вместе со своей сестрой.

Это был его главный бой – слушать испуганные речи народа, обрамлённые в гнев. В конце концов сам юноша стал сомневаться и сожалеть о том, что совершил подобную авантюру.

“А может старик прав? А вдруг я умру в бою? Неужели я навлеку смерть на всех нас? Чёртова гордыня! Нет! Это лишь запугивание! Я должен идти! Я больше так не могу!”

К рассвету юноша был измождён от своих мыслей и свою смерть он рассматривал с равнодушием, как избавление от мук при жизни.

Толпа следовала за юношей и бросала вслед слова гнева и

тихой поддержки. Кто-то из обезумевших от страха глупцов пытался сам побить юноши, однако толпа удержала со словами, что так уже было predetermined.

Площадь, несмотря на страх выходить на улицу в дневное время, вышла, чтобы узнать исход событий и насладиться, возможно, последними лучами солнца.

Измощённый от недосыпа, недавней утраты сестры и неодобрения толпы, юноша стал в нескольких метрах от монаха, с которым ему предстоял бой. Соперник уже поджидал его, сменивший рясу на латы.

“Что ж, начнём!” – закричал монах и, достав меч из ножен, стал подходить к юноше. Неожиданно для монаха, он встретил, пусть и слабое, но сопротивление. Юноша не убежал в страхе, не молил о пощаде, а лишь уворачивался от ударов.

“Подождите! Остановитесь!” – раздался слабый крик мальчишки, который бежал к бьющемуся.

“Это же паж, что прислуживал ранее нашему главе города, а теперь Августину! Расступитесь! Дайте ему пройти!” – возбуждённо вторил народ. Толпа расступилась, позволил мальчишке пройти.

Мальчишка, спешно забежавший между монахом и юношей, повернулся к последнему и, отдышавшись, громко проговорил: “Бой отменяется. Этот гад мучился той хворью уже долгое время, да скрывал, а сегодня, на рассвете, помер. Ты победил.”